

Этот неуловимый автофикшен: какие они, прорывы к подлинности во времена ковида и войны

Кажется, термин автофикшен сегодня не использует только редкий апологет воображаемой незыблемости литературоведческих традиций. Автофикшен в последние несколько лет – повсеместно: в периодике, в издательских аннотациях и саморепрезентациях авторов, в научных исследованиях. Галина Юзефович в подкасте «Книжный базар» уверенно говорит про новый жанр и даже тип письма, нарушающий автобиографическую конвенцию, «это такая лживая автобиография»¹. Портал «Прочтение» сообщает, что «в марте 2020 года выпускники факультета журналистики МГУ объявили о создании автофикшен-вебзина Autovirus. Он был посвящен вирусной тревоге – очень актуальной для всего мира теме в разгар пандемии – и стал первым изданием, целиком составленным из автофикшен-проектов»². Евгений Ермолин констатирует: «В современной словесной деятельности автофикшн – популярная и модная, отчасти скандальная практика»³. «Он образовался на стыке автобиографии, дневниковых заметок, мемуаров, эссе, публицистики и иной документалистики. Автофикшн предполагает сплетение жанров, форм и форматов: репортажа и эссе, дневниковых записей и эпистолы, потока сознания и “безжанрового” фрагментарного повествования, прозы и стихов». Литературовед Татьяна Быстрова фиксирует:

¹ Глава, в которой авторы бросились писать автофикшн, но у многих получился пост в фейсбуке (на который еще и друзья обиделись) // Книжный базар. 2020. 9 дек. URL: <https://tehnikarechi.studio/episodes/2020/12/09/glava-v-kotoroy-avtory-brosilis-pisat-avtofikshen-no-u-mnogih-poluchilsya-post-v-feysbuke-na-kotoryu-esche-i-druzya-obidelis>.

² Абсолютное художественное бескорыстие: дискуссия об автофикшене // Прочтение. 2021. 25 февр. URL: <https://prochtenie.org/texts/30495>.

³ Ермолин Е. Автофикшн как медийная стратегема // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 73.

«Авторы автофикшн открыто заявляют, что пишут не автобиографию, а роман, что все события выдуманные»⁴.

«Автофикшен – это практически литературный термин года»⁵, – утверждает Ольга Брейнингер по итогам пандемийного 2020-го, но, кажется, авторы, издатели, критики и обозреватели даже не договорились, как правильно писать – автофикшн или автофикшен, привнеся сюда родовую травму нонфикшена, первого из затвердившихся на русской почве -фикшнов, который давно и упорно пишут кто во что горазд. И даже не решили, что же автофикшен это такое: особый жанр, субжанр, кросс-жанровое направление, тип письма, стратегия, практика или все вместе, в зависимости от контекста. «Для меня автофикшен, не важно, как он называется, – это такой текст, где автор основывается на своей реальной биографии, зерно текста – это реальная жизнь автора, реальные события, но по мере создания произведения возникает некий зазор между жизнью, как она есть и тем, что нам показывает текст. Для меня самое главное то, что еще возникает зазор между реальной личностью автора и образом, который он строит»⁶, – признается Дмитрий Данилов, избегая категоризации и описывая собственные литературные практики. Да и Валерия Пустовая, написавшая автодокументальную книгу «Ода радости», соотносит автофикшен с интроспективным прорывом к подлинности, сопровождающим конструирование идентичности: «Я принимаю себя и все сущее и себя в этом сущем. Именно этот большой эффект автофикшена для меня очень важен. Для меня автобиография – это не только автобиография: если есть исповедальный нерв, это будет не просто книга, откуда есть пошла я, это будет выворот, выпадение и встраивание себя обратно в мир»⁷.

⁴ Быстрова Т. Герой современного итальянского романа-автофикшн: скольжение по грани // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 28.

⁵ Абсолютное художественное бескорыстие: дискуссия об автофикшене.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Как бы то ни было, за разнофигурной каруселью определений и веером авторских откровений проступает то, что автофикшен – емкая формула, позволяющая лаконично свести воедино практики автодокументализма и художественные стратегии. Или, говоря упрощенно, автобиографию дополнить вымыслом, при том что никто не удосуживается уточнить, что подразумевается под вымыслом, потому как даже матерая документалистика отнюдь не манкирует художественной работой (Светлана Алексиевич как непревзойденный зубр оной вовсе не случайно получила Нобелевскую премию по литературе). Но даже при всей непрозрачности компонента вымысла в автофикшен-уравнении, да и некоторой ощущаемой абстрактности автобиографизма, именно такое понимание автофикшена прижилось и стало своего рода трюизмом. Из него-то и следует исходить.

Однако на практике исходить оказывается довольно сложно, поскольку автобиографическое письмо и эго-тексты даже в сравнительно молодой русской литературе существуют давно, как минимум с тех пор, когда Владимир Мономах детей поучал, а Афанасий Никитин за три моря ходил. Чем же они не предтечи автофикшена? А посему понятен и праведный гнев специалиста по женским автодокументальным текстам XIX века Ирины Савкиной, всякий раз вносящей в треды об автофикшене ошутимое напряжение и неизменно задающей собеседникам вопрос: что же здесь нового, кто-нибудь объяснит?

«Автофикшен – относительно молодой жанр»⁸, – находим в еще одной статье на портале «Прочтение». Термин придумал французский писатель Серж Дубровский в 1977 году для описания собственных художественных практик. И далее: «Настоящий бум автофикшена наступил спустя тридцать три года после создания “Сына”. Американский писатель Дэвид Шилдс опубликовал антификшен-манифест под названием “Жажда реальности” (Reality Hunger: A

⁸ Березина М., Некрасова М., Никонова А., Сотникова Д. Сегодня «письмо – это тело»: о женском автофикшене в России // Прочтение. 2021. 22 июля. URL: <https://prochtenie.org/texts/30650>.

Manifesto, 2010), в котором призывал пошатнуть традиционные рамки романа, сбросив сюжет, композицию и художественный слог с корабля “искренней” современности»⁹. Что же это получается: авторская номинация – уж сколько их таких мы знаем – генерализировалась в жанр, субжанр или тип письма, о котором охотно говорят все, кому не лень? А под манифестом мало известного в России Шилдса готовы подписываться как Дмитрий Данилов, чей творческий метод сложился, будем честны, все же до 2010 года, так и совсем молодые авторы, которые, разумеется, манифест не читали и не собираются? Кажется, автофикшен при транспонировании в русскоязычное литературное пространство утратил первосмыслы, стал понятием, которое само себя описывает, чистым автофикшеном, накрепко припаянным к концу 2010-х – началу 2020-х, а далее уж как дело пойдет.

Можно долго и подробно рассказывать о формах и форматах автодокументального письма, о том, какие инструменты художественного преобразования действительности релевантны ему, а если не релевантны, то все равно используются, можно ссылаться на массив литературоведческих (и в целом гуманитарных) работ, имеющих дело с феноменом автобиографизма (и не Бахтиным единым!), но все это не имеет значения, обнулено материализовавшимся на наших глазах термином и практиками его применения. Автофикшен – это автобиография плюс вымысел, точка, новая номинация старого, как сама литература, явления. «Кстати, замечательный пример русского автофикшена – “Трепанация черепа” Сергея Гандлевского, которого я очень люблю»¹⁰, – это Александр Стесин, сам автор автофикционального «Нью-Йоркского обхода». Ну да, или «Только моя Япония» Дмитрий Александровича Пригова (но автор об этом уже не узнает).

⁹ Там же.

¹⁰ Абсолютное художественное бескорыстие: дискуссия об автофикшене.

Логика понятна: раз появился новый, блистательный в своем лаконизме термин, то почему бы пересмотреть литературу далекую и близкую и поименовать автофикшеном то, что не сильно будет сопротивляться? Да те же самые эго-тексты – зря ли их в основной массе какое-то время назад перелицовывали из автобиографических. Хорошо, допустим в эго-текстах с их ставкой на документализм компонент вымысла может быть редуцирован до нулевого уровня, в автобиографических та или иная художественная надстройка неизбежна, автофикшен же делает видимой эту надстройку, перестает притворяться, что автобиография суть некоторая объективная канва жизни, и дает автору право не стесняться делать то, что ему вздумается с жизнью, памятью и текстом (а раньше в основном стеснялись), но даже в этом нет химической новизны. Новизна так и остается в самом термине и пристегнутой к нему оптике: видеть художественную работу там, где раньше ее видеть было не обязательно – только в самых вопиюще видимых случаях (в «Петербургских зимах» Георгия Иванова, например, где вымысел хоть и маскировался под работу памяти, но без особой убедительности – слишком открыто автор саботировал доку-функцию мемуаров).

Получается, вооружившись новым термином, можно перепрочитать литературу полностью. Крайне заманчивая перспектива, но осуществимая преимущественно в научно-популярных или публицистических форматах, поскольку, как говорилось выше, литературоведение давно работает с автобиографизмом и отлично знает его фикциональную поднаготную.

На практике автофикшен-ретроспекций, как с «Трепанацией черепа» или «Исповедью» Августина Блаженного, которая фигурирует в разговорах на том же круглом столе, или предощущения похорон автофикшена, закончившегося примерно на Лимонове¹¹, пока немного. Да и скоропалительная популярность термина заставляет усомниться в его резистентности к смене трендов. Иные

¹¹ Гончуков А. Старобинец и Пустовая. Автофикшн скорее мертв? // Литература. 2020. 3 июня. URL: <https://litteratura.org/non-fiction/3866-arseniy-gonchukov-starobinec-i-pustovaya-avtofikshn-skoree-mertv.html>.

времена могут заговорить иным языком. Впрочем, и авто, и фикшен всех нас переживает.

Автофикшен в эпоху новых мамонтов

И все же оформление автофикшена в самостоятельный феномен в русскоязычном литературном пространстве на рубеже 2010-х – 2020-х гг. не случайно. «Современный опыт сенсуален. В автофикшне именно эмоции, чувства и ощущения создают тот эффект, который позволяет считать происходящее достоверным. Человек в контексте автофикшна погружен в сферу переживаний, в ауру эмотивной искренности – и максимально удален от попыток рационализировать свой опыт, соотнести его с большими смыслами и нарративами, которые воспринимаются как архаические чудовища, уверенно вымирающие, подобно мамонтам»¹², – пишет Евгений Ермолин. Автофикшен в виду имманентной ему «шокирующей откровенности» зачастую связывается с искренностью эпохи метамодерна¹³, подтягивает за собой разговор о «новой чувствительности», «новой этике» и поэтике каминг-аутов. К примеру, Ольга Фатеева видит автофикшен как попытку «если не вернуть исключительность человека в широком понимании, то придать этой исключительности новое, экологичное, значение в свете постправды, новой этики и всего, что нас окружает»¹⁴.

И снова сакраментально вопрошаю: что мы имеем на практике? С чего начались разговоры об автофикшене на русскоязычных нивах? Вот Арина Бойко утверждает: «Пока российские издательства борются между собой за права на

¹² Ермолин Е. Автофикшн как медийная стратегема. С. 75.

¹³ Максимова Е. С., Поляринов А. В. Чем больше живу, тем меньше понимаю, что вокруг происходит // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7 (20). С. 7–16.

¹⁴ Абсолютное художественное бескорыстие: дискуссия об автофикшене.

западные автофикшн-романы Оливии Лэнг, Крис Краус, Шилы Хэти и других звезд жанра, в России появляется свой автофикшн – дерзкий и неоднозначный. До недавних пор он развивался в зинах, журналах и самиздате, но теперь попал и в литературный истеблишмент. Один из таких текстов-первопроходцев – дебютный роман Оксаны Васякиной «Рана»¹⁵. А вот чем обещал нас перепахать журнал «Пашня», выбравший 5 знаковых автофикшенов: «Современные российские авторы все чаще высказываются на тему домашнего насилия. Наталия Мещанинова была одной из первых, кто посвятил этой важной теме целую книгу»¹⁶. И совсем не удивил «РБК»: «В русскоязычном литературном поле автофикшн долго был андеграундом. Автофикциональные тексты издавались в нескольких независимых литературных журналах: таких как “Незнание” или Autovirus. <...> Первой большой книгой в этом жанре стала “Рана” Оксаны Васякиной»¹⁷. Красивая и легко тиражируемая история о том, что Мещанинова и Васякина – первые авторки русскоязычного автофикшена все же корректируется фразой про андеграунд и журнал «Незнание», организованный в 2019 году тремя редакторками, одной из которых была между тем Арина Бойко.

2019 год. До выхода «Раны», действительно, остается 2 долгих года, но «Рассказы» Мещаниновой уже 2 года как выпущены «Сеансом» в виде отдельной книги и успели засветиться в шорт-листе премии «НОС». Уже вовсю работают семинар «Ф-письмо» в Санкт-Петербурге, мыслящий личное как политическое, и одноименный публикаторский канал на Syg.ma. Подборка Лиды Юсуповой «Это неправильно», обращающаяся к травматическому опыту поэтессы, уже опубликована в журнале «Воздух» (2016, № 1):

¹⁵ Бойко А. «Новые честные»: Что такое автофикшн и как книги без сюжета захватывают российскую литературу // The Village. 2021. 7 апр. URL: <https://www.the-village.ru/weekend/knigi/avtofikshn>.

¹⁶ Хамитов М. Всё о жанре автофикшн // Пашня. 2020. Июнь. URL: <https://cws.media/4914-2>.

¹⁷ Осипян А. Вымысел себя: как автофикшн захватил современную литературу // РБК. Тренды. 2022. 8 нояб. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/636a07f69a794730e4616d0b>.

*если бы малолетка была дома Матеюк бы меня не изнасиловал
мне не повезло*

и когда он вернулся он молча лёг на меня и у нас был секс я не

сопротивлялась я только сказала это неправильно я повторяла

это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно

это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно

это неправильно это неправильно это неправильно это неправильно

это неправильно это неправильно это неправильно это

неправильно...

«Два текста о насилии» Оксаны Васякиной и Константина Шавловского как манифест «новой этики» уже висят на «Кольте»:

что я знаю о насилии

когда мне было 13 лет меня изнасиловал подонок по имени Артём

теткин сожитель на моих глазах выволок ее на лестничную

клетку и прыгал на ее голове в ботинках пока та не потеряла

сознание

сожитель моей матери избивал ее каждый месяц она ходила на

работу с синяками

и каждые полгода ходила к стоматологу чтобы тот нарастил ей

*передний зуб выбитый моим отцом...*¹⁸

Уже три «Т» фемписьма – телесность, травма и трансгрессия – становятся содержанием новой волны автофикшена, который, замечу на полях, в новейшей поэзии, кажется, не иссякал – Могутин, Львовский, Кузьмин, Медведев, Нугатов и др., – но в конце 2010-х годов приобрел отчетливо женские интонации и амбиции вырваться прочь из «гетто современной поэзии». Уже Дарья Серенко признается:

¹⁸ Васякина О., Шавловский К. Два текста о насилии // Colta. 2017. 3 нояб. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/16480-dva-teksta-o-nasiliu>.

«Чем больше я читала современную поэзию, тем больше я себя ощущала в каком-то гетто. <...> В какой-то момент это все начало ужасно раздражать, и тогда начался активизм»¹⁹. Уже Оксана Васякина дает интервью модным порталам и рвется в прозу и за большими премиями. Остается один шаг до того, как основательница и идеолог «Ф-письма» Галина Рымбу спровоцирует литературное пространство на большую ссору поэтическим автофикшеном «Моя вагина».

Но связаны ли процессы в новейшей русскоязычной поэзии и процессы в прозе? Кажется, есть своя логика в том, что целая плеяда авторок и авторов прозаического автофикшена на проверку оказываются поэтессами и поэтами: Алла Горбунова («Конец света, моя любовь»), Оксана Васякина («Рана», «Степь», «Роза»), Ольга Брагина («Призмы плеромы»), Дарья Серенко («Девочки и институции»), Анна Гринка (отдельные тексты из книги «Экранное зрение»), Люба Макаревская («Третья стадия»), Гала Узрютова («Которые») и др. И я бы не забывала ни прозу Полины Барсковой, ни «Памяти памяти» Марии Степановой, поскольку, если уж разбираться, то именно они оказались среди предвестников метамодерна и подготовили почву для переоформления больших исторических нарративов в личностные истории и смыслы.

И все-таки вопрос «что нового в этом вашем автофикшене?» не выглядит до конца проясненным, и, боюсь, таковым и не окажется долгое время, пока автофикшен востребован писателями и читателями и активно развивается. Среди нового, что несет он с собой и что особенно заметно в текстах 20–30-летних, – обновленные концепции феминизма, сенсуальность и интроспекции эпохи новой чувствительности, идеи деколониальности и практики деколониального письма, тот же пресловутый метамодерн с его ставкой на искренность и субъектность. Автофикшен такого сорта моделирует новую личность, которая вот только пришла

¹⁹ «Активизм – пространство жестов, которые мы маркируем как слабые». Дарья Серенко и Мария Алехина о политическом искусстве // Colta. 2019. 26 сент. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/22486-darya-serenko-i-mariya-alehina-o-politicheskom-iskusstve?page=3>.

в литературу и заговорила на пока еще непривычном языке психотерапевтического сеанса, с его непременными каминг-аутами, отчаянными признаниями и какой-то последней прямоотой, на грани с эксгибиционизмом.

Оксана Васякина со своей трилогией «Рана», «Степь», «Роза» – не первая, но, действительно, самая яркая в силу художественного таланта и желания сломать систему табу, выйти за флажки. По крайней мере, так было до выхода «Розы», то есть до войны и принятия закона о недопустимости пропаганды ЛГБТ в России. Екатерина Писарева: «Дебютный роман поэтессы Оксаны Васякиной <...> – один из важнейших современных текстов, написанных на русском языке. Он вступает в диалог со всей мировой литературой, культурой и искусством и в то же время стоит особняком – он непривычный, неконвенциональный, самобытный. Он нарушает границы – как литературные, так и читательские. Он не пытается заискивать или понравиться, он словно вообще не думает об этом. Он как фотография без фильтров – тем, кто привык к ретушированию чувств, будет неуютно. Здесь все настоящее, и от этого порой страшно»²⁰. Екатерина Агеева: «Степь пугает намного меньше Сибири. Ее в тексте уравнивает не только дорога, но и, например, громкий и искренний шансон из автомагнитолы, противопоставленный таинственному степному скрежету и стрекоту»²¹. Зашкаливающие эмоции от прикосновения к тайне смерти (матери, отца, тети), ревизия памяти, бескрайние пространства депрессивных ландшафтов, предъявление телесности и лесбийские каминг-ауты (но не в «Розе»!), аффективные сквозняки в декорациях роуд-стори, предполагающем движение от себя прежней к себе обновленной. И еще на примере Васякиной очевидно, что автофикшен-событие-в-русскоязычной-литературе может предъявлять новую

²⁰ Писарева Е. Путешествие на край смерти // Новая газета. 2021. 29 мая. URL: <https://yandex.ru/turbo/novayagazeta.ru/s/articles/2021/05/29/puteshestvie-na-krai-smerti>.

²¹ Агеева Е. Заметка на полях о степях // Знамя. 2022. № 12. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8516>.

личность и новую оптику, но никак не обойдется без обращения к глубинным слоям коллективного сознания.

Екатерина Агеева, разбирающая «Степь», сомневается в возможности «приложить автофикшн к коллективной или даже национальной травме», но ведь и Васякина, или, например, немецкоязычная Катя Петровская, написавшая «Кажется Эстер» – пронзительный автофикшен о памяти и постпамяти Холокоста, как раз и доказывают: личный опыт – не просто лично опыт. Через личное, предельно честно переданное, вольно или невольно прорывается «кривое горе» коллективных травм. Автофикшен способен их масштабировать и наполнить живыми личностными смыслами.

А потому после первых двух книг (приплюсуем сюда поэму «Когда мы жили в Сибири») Васякина, кажется, могла бы без зазрения совести написать: Россия – это я. Спорить с нею литературное сообщество, думаю, не стало бы.

В воронке войны

С чего начинался литературный 2022 год? Ну, например, с громкого анонса издательства «НЛО» и обещания экспериментального этнографического романа «Коммуналка на Петроградке» Романа Осминкина и Анастасии Вепревой. Я, действительно, ждала эту книгу как один из осминкиных трансгрессивных перформансов и как жгучий автофикшен о границах субъекта и коллективном теле глубинного народа. Книга вышла, но автофикшеном в полноценном понимании назвать ее сложно. Позиция включенного наблюдателя, занятая ведущими дневник нарраторами, никак не провоцирует на предъявление собственного травматического опыта и исследование границ субъектности. Этнографическая, принципиально овнешненная оптика физиологична и в некотором роде гасит аффекты воспринимающего и фиксирующего сознания. Ну и потом, как точно заметил автор предисловия к книге Алексей Юрчак, этнография здесь «скорее, не

метод поиска истины, а способ исследовать новые жанры письма»²². Так что, уже если и искать формулу этого романа, то на выходе получим не автофикшен, а автононфикшен или автодокуфикшен. Однако оптику эту мы запомним и вернемся к ней позже.

Военный 2022 год, резко сменивший ковидную общественную повестку (и где теперь милые сердцу «новая этика» и рассуждения о гиперсенситивном субъекте, «снежинках» и проч.?) продемонстрировал непоколебимость автофикшена на разных полях.

Во-первых, автофикшен, завоевавший позиции в литературе в предшествующие годы, закрепился в ней и зафиксировался в этой позиции. Например, он выглядит скрепой, сшивающей поколение 30–40-летних прозаиков, как бы негласно договорившихся о наивысшем статусе автофикшена. Можно полистать портал «Прочтение» и посмотреть на списки «Носа»: Ольга Брейнингер, Алла Горбунова, Валерий Печейкин, Оксана Васякина... И вот Оксана Васякина в Школе современных литературных практик учит писать автофикшен, курсы при издательстве No Kidding Press, если судить по сборнику «Дружба», тоже производят исключительно автофикшен. Кажется, попавший в тренд автофикшен по-прежнему готов вытеснить любые другие формы письма, особенно в пространстве литературы, бегущей от мертвящих рамок консерватизма. Ну и писатели постарше, как мы убедились, тоже уже вполне готовы называть свои практики модным термином.

Во-вторых, в 2022–2023 годах издательства – от Jaromír Hladík press до Inspiria и Альпины – по-прежнему выдают читателю порции отвязанных от политики персональных травм, признаний и самотерапии. «Новые честные», как и иные прочие, оказались вполне способны на политическую самоцензуру, а рассказ о том, что 2022 год принес в жизнь увеличение количества антидепрессантов,

²² Юрчак А. Письмо по ту сторону жанра // Осминкин Р., Вепрева А. Коммуналка на Петроградке. М.: НЛЮ, 2022. С. 7–8.

только подтверждает тезис, что время ушло далеко вперед, но эго-оптика осталась где-то в прежней точке.

В-третьих, интереснее пертурбации в том сегменте автофикшена, который всегда мыслил личное как политическое. Напомню слова Дарьи Митякиной из No Kidding Press: «Говорить о своем опыте в литературе – политический и перформативный акт, который может создавать сильные художественные высказывания»²³. Автофикшен стремился к подобного рода жестам, и они удавались, как в случае той же «Моей вагины», вызывали бурю эмоций. Такой автофикшен оказался востребован в первую очередь в поле актуальной поэзии: Галина Рымбу, Лида Юсупова, Дарья Серенко, Ирина Котова, Мария Малиновская.

Для примера премиальный текст Марии Малиновской «Бело-красно-белый флаг» (премия «Поэзия» за 2021 год), ставший откликом на задавленную революцию в Беларуси и одновременно ревизией личной интимной истории:

*или когда у тебя на фото профиля
появился бело-красно-белый флаг?
а когда он кстати появился?
может он всегда там был?
и в этом вовсе нет противоречия
ты мне лучший друг
я тебе ёбаная сука
обычно так и бывает*²⁴

Именно такой автофикшен (а иногда и автодокуфикшен) оказался наполнен предчувствиями большой войны (в прозе их тоже зафиксировал преимущественно автофикциональный Андрей Иванов), картинами предощущаемой катастрофы.

*ты знаешь что такое
военная сортировка раненых –*

²³ Осипян А. Вымысел себя: как автофикшн захватил современную литературу.

²⁴ Малиновская М. Призраки жизни // Воздух. 2021. № 41. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2021-41/malinovskaya>.

*спрашиваю я у лолы
и сама отвечаю:
в реанимации
руки в отчаянии ломают
выворачивают мозг
выбирают
из человека и человека —
кому дать жизненно важное лекарство
потому что осталось на одного
и никто не хочет идти в аптеку
потому что достало
потому что все равно
и в аптеках того лекарства нет
плиточники
ни фига не знают
про военную сортировку раненых
все стоит на костях — отвечает лола —
дыши и радуйся
и мы идем с лолой
по светло-серым пустынным улицам
похожим на улицы италии
времен муссолини²⁵*

Именно инструменты автофикшена оказались наиболее релеватными в ситуации войны, когда многие замолчали от ужаса происходящего.

Но вот уже харьковская Ольга Брагина описывает новый опыт:

²⁵ Котова И. Военная сортировка раненых // НЛО. 2018. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/6/voennaya-sortirovka-ranenyh.html>.

сегодня был урок польского, учились читать, говорю маме, что вспомнила «Властелина колец» и письма на древнеэльфийском. мама спрашивает: «Как это они бомбят Харьков?» говорю: «Обиделись, что их не встретили с караваем».

говорю: «Ты хотела в этом году поехать в Европу, хотела учить польский, и всё сбылось вот так», мама говорит: «Да, и Сенкевича читала в карантине, теперь мы ходим по этим лесам из его романов».

вдруг всё меняется, и ты оказываешься в Европе без постоянной работы и жилья.

это Мережковским хватило дальновидности и денег купить еще до революции квартиру в Париже.

Влад Гагин, иногда прибегающий к техникам автофикциональности, препарирует ощущения человека, вынужденно пребывающего в лиминальном пространстве между войной и миром, родиной и эмиграцией:

лето замерло в своем падении

фон перемещается в фигуру

легкие свои держу в руке,

словно защищаясь от кого-то

в остальное время вижу сны

про большой обмен военнопленных

Живущая в Германии Алена Максакова готова работать с потенциалом прямого высказывания:

Я хочу назвать

Войну войной

Убийц убийцами

Бомбардировки бомбардировками

Сказать об этом

*Без поэзии*²⁶

Автофикшен, четко осознающий личное как политическое, вписывающий личную травму в коллективную, смещает оптику с эго-исследовательской в сторону того же самого включенного наблюдения. Если говорить про прозу, то кроме «Раны» и «Степи» Оксаны Васякиной, уже не совпадающих с резко милитаризированной действительностью, и «Розы», принципиально с ней не совпадающей, что, собственно, лишает ее перформативности по Джудит Батлер, стоит обратить внимание на другую Оксану – Тимофееву, левого философа и писательницу, не петляющую ни в интервью, ни в своих книгах.

Оксана Тимофеева работает преимущественно в жанре эссе и часто обращается к автодокументальным практикам, собирая книги из дневников, путевых очерков, воспоминаний, автобиографических и аналитических эссе и т. д. От большого эссе «Родина» (2021) до сборника «Это не то», вышедшего в 2022 году и открывающегося военным разделом, прошло около года, но этот год поменял почти всё. Напряженный поиск родины, связанный с ревизией памяти и сборкой идентичности, был своего рода практикой сопротивления как репрессивному давлению государственной машины, так и «левой меланхолии» с ее симптоматикой бессилия. «Родина» видится мне книгой признаний (в том числе касающихся персонального травматического опыта) и книгой переозначивания патриотизма, перемещающего его из правого ресентимента в левую утопию. Сборник «Это не то» в целом не про войну, но вновь про опыт сопротивления внутри катастрофы: ковида (ковидные дневники, которые заканчивают книгу) или войны – с нее-то все и начинается, с автофикциональной трилогии «Мертвые не уцелеют», «Три пачки масла», «Леопардовые штаны».

²⁶ Максакова А. PERVUJ // ROAR. № 6. URL: <https://roar-review.com/ROAR-ad4362991ffd42b3ac5b3e17fc608f02?p=6032c5a4e3874467896e56369cf558f5>.

«О том, что между Россией и Украиной идет война, я узнала на небольшой автозаправке...»²⁷ «Могила – последнее и окончательное бомбоубежище, где тебя никто не ранит, не убьет»²⁸. «Мысль, которая сразу же приходит в голову человеку, видящему солдата в плотном камуфляже в поезде, который едет в Донецк весной 2014 года, тут же вытесняется. Не решаешься даже ее подумать. Нет, это не то!»²⁹ «Мы воображаем себе кровавые сцены настоящей и далекой войны – в Ираке, Сирии, Украине и т. д., и, сравнивая их с нашей ситуацией, говорим себе: “Это не то”. Однако само это “не”, наше отрицание, надо понимать как симптом в духе Фрейда – как окольный путь, по которому просачивается истина, недопустимая с точки зрения нашего внутреннего цензора: истина зеркального отражения “здесь” в “там”, истина войны, которую мы принимаем за мир»³⁰.

Автофикшен Оксаны Тимофеевой 2022 года, конечно, смыкается с автодокументальной стратегией очерка и эссе (и лишний раз напоминает, что ничего не ново под луной, и автофикшен – лишь новое название старого феномена). Но одновременно обозначает перспективу движения от эго-текстов свидетелей войны, чья ценность замеряется пережитым опытом, до переработки этого опыта в тот или иной нарратив с подключением художественных или аналитических стратегий. Думаю, ждать осталось недолго: и то, и другое уже скоро последует. И это будет не только ожидаемая книга журналистки «Новой газеты» Елены Костюченко с репортажами с театра военных действий, в который превратилась Украина в 2022 году, не только. И не только книги участников боевых действий, которые уже начали доходить до читателей. И даже не дневники «Возле войны» Марии Галиной, по собственной воле оказавшейся в феврале 2022 года в Одессе и прожившей в Украине больше года. Не только. Разные формы

²⁷ Тимофеева О. Это не то. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. С. 7.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Там же. С. 19.

³⁰ Там же. С. 47.

автодокументального письма как терапевтического и как исследовательского в ближайшие годы неизбежны, как, например, неизбежны были «Окаянные дни» или «Солнце мертвых» после революционного слома XX века. Фокус на прожитое и пережитое неизбежен. Но с автофикшеном история не отнюдь закончена.

Юлия Подлубнова